

которое было изменой, превратившейся в традицию, если по-прежнему будут практиковать бессовестный конформизм и защищать интересы клерикальные, если будут поддерживать неправду, то христианство начнет увядать в мире, оно будет сжиматься до очень малого числа. Мы живем в эпоху духовно-реакционную, возненавидящую свободу, жаждущую насилия и потерявшие совесть католики и православные фашистского типа могут на короткий час восторжествовать. Они будут поработаны и в конце концов им грозит бесславная гибель. Их гибель меня мало интересует, но интересует судьба христианства в мире. Эта судьба зависит от реализации христианами всяческой правды, от победы реальной правды над условно-символической ложью.

Николай Бердяев.

Четыре портрета

С точки зрения демократически-обывательской, современная картина мира могла бы быть изображена очень обычным образом: некий страшный дракон, как бы трехглавый удав, стережет невинную царевну, попавшую к нему в плен. Все три головы дракона караулят каждое ее движение, неотрывно смотрят ей в глаза. Могущество дракона безмерно, — одним движением он может уничтожить царевну, зачаровать ее взглядом, задушить кольцами своего тела, уязвить своими отравленными жалами. Царевна же невинна и бессильна. Избавителя у нее нет. Она во власти дракона. Дракон должен вызывать ужас и ненависть, царевна, — сочувствие и любовь. Но никакая ненависть не может обессилить дракона, никакая любовь не может спасти царевну. Разве только, что она немного перевоспитается по драконьим способам воспитания, сама, так сказать, одраконится. Или разве что драконы головы начнут пожирать одна другую, и так и изойдут во вражде сами к себе, в припадке самоистребления. Карти-

на эта, несомненно, настолько похожа на то, что нас окружает, что каждый легко узнает, каковы имена этих трех голов, и кто царица. Общественные симпатии делятся между драконом и царицей. Одни преклоняются перед могуществом дракона и убеждены, что только он один и может властвовать в мире, другие сочувствуют царице и верят, что она рано или поздно освободится от дракона. Мне же кажется нужным как-то разобраться беспристрастно в истинной сути и дракона, и царицы и, может быть, вынести нравственный приговор им обоим.

В насилии и крови великой войны родилось до того неведомое миру чудовище. Идея классовой борьбы и классовой ненависти воплотилась в России в страшное обличье советской власти. Характеристика ее отчетлива, ясна, и не вызывает никаких сомнений. Отрицание человеческой личности, удушение свободы, культ силы, преклонение перед вождем, единое обязательное для всех мирозерцание, борьба со всякими отклонениями от генеральной линии партии или, что то же, — вождя, — будь отклонения в каком-либо мелком злободневном экономическом вопросе, или в самых существенных взглядах на мир, на человеческую судьбу и т. д. Постепенно коммунизм стал не только некой философски-экономической системой, но своеобразной вульгарной религией, пытающейся иметь свое мнение буквально по отношению ко всему, что существует в жизни. Можно было бы без труда составить точную догматику коммунизма, — да она и составляется в бесчисленных катехизисах. Она обнимает собою все, — отношение к экономике, к истории, к вопросам искусства, к принципам бытия. Правда, для утверждения догматов этой религии не нужно никаких соборов, — вождь прокламирует их и тем самым делает их обязательными, а всякое отступление от них надо воспринимать как недопустимую ересь. Самое замечательное, что и авторы этих отступлений, будучи осуждены авторитетным высказыванием вождя, сами признают свою еретичность, каются в ней и умоляют о воссоединении с непогрешимой партией. На почве этой своеобразно религиозной психоло-

гии естественно вырастает самая неограниченная нетерпимость ко всем инакомыслящим и инаковерующим. Расцветают систематические религиозные гонения, охватывающие не какое-либо одно религиозное исповедание, а буквально все. Лагеря набиты представителями всех церквей, всех исповеданий, сект, направлений, мирозозерцаний. Новая вера осуществляет себя кровью, пытками, мучительством. Она — едина, тоталитарная истина, — остальное должно быть подвергнуто полному истреблению. Моральная оценка этого положения вещей не нуждается ни в каких сложных наблюдениях. Картина ясна и отвратительна. Гораздо сложнее вопрос о том, откуда русский коммунизм берет свою силу, чем он внутренне питается, на чем продолжает расти. Давно уж экономисты и политики, — чуть ли не с первых дней существования коммунизма, — предрекали его скорую и бесславную гибель: ни экономические его мероприятия, ни исторические условия его существования, ни внешняя обстановка, — ничто не давало возможности думать, что коммунизм прочно обоснуется в России. Однако вот уже двадцать лет звучат эти предсказания о его гибели, а на самом деле он продолжает существовать и погибать не собирается. Как это объяснить? Думается, что, в противность всем мнениям различного рода специалистов, правильным будет лишь мнение того, кто подойдет к вопросу с религиозной точки зрения. Коммунизм держится лишь тем, что дает, — пусть отравленное, — питание жажде человека иметь целостное, религиозное мирозозерцание. Именно своим религиозным пафосом он жив, потому что этот пафос совершенно видоизменяет природные человеческие силы, природное напряжение человеческих мускулов, человеческой воли и человеческого разума, он их удесятерляет, он сообщает им творческое начало, которое всегда, подобно некоему чуду, пресображает законы естества. Коммунизм жив этим страшным, черным чудом своим, своей страшной, черной религией, целостностью, интегральностью, — интегральной ненавистью, интегральным растворением человеческой личности в коллективе, интегральной верой в исти-

ну, которая прорекается устами вождя, сверхчеловека, пророка из пророков, черным и страшным мессией черной и страшной своей церкви. Да, во-истину, в сознании рядового коммуниста Россия управляется сейчас сверхчеловеком, во власти которого находится возможность изменить и отменить и законы истории и законы природы. В России явлен подлинный человекобог, которого еще так недавно предрекал нам Достоевский. И естественно, что этот человекобог вступил в борьбу с Богочеловеком и Его Богочеловечеством, — со Христом и со Христовой Церковью. Что это? Быть-может, мои слова звучат для кого-либо слишком мистически, скажем, не научно? Не отвечают современным данным экономической и исторической науки? На это я скажу, что всякая научная гипотеза ценна только тогда, когда жизнь подтверждает сделанные ею предположения. Так вот, все самые научные гипотезы самых отличнейших специалистов в области экономики, политики, истории и т. д. — все в корне опровергнута жизнью: не падает коммунизм, да и только, хотя все сроки надений прошли, и новые сроки проходят. Таким образом ясно, что об этих бывших научных теориях и гипотезах сейчас говорить не приходится. А вот мистическая и туманная теория, видящая в коммунизме новую страшную веру, и в этом находящая объяснение его сверхприродной творческой силы, — эта теория пока жизнью опровергнута не была, и потому заслуживает не только такого, как и другие теории, но гораздо большего внимания, чем они. Христианские мученики современной России, наверное, все понимают, что ведут сейчас борьбу «не против крови, и не против плоти, а против духов злобы поднебесной». Церковь оказалась пред лицом не какой-то кабинетной доктрины, марксизма, скажем, а пред лицом антицеркви, пред лицом некоего организма духовной природы, и потому чрезвычайно могущественного и действительно способного отменять и изменять законы материального мира. Такова первая голова современного дракона.

В хронологическом порядке вторым возник эстатиче-

ский тоталитаризм фашизма. Мне представляется, что и идейно, и физически это самый слабый из всех тоталитаризмов. И в его этой относительной слабости довольно много причин. В первую очередь, фашизм возник не вне традиций, не вне исторических культов и очарований. Муссолини бредит этатизмом древнего Рима, он столько же новатор, сколько и реставратор. А это уж не годится для того, чтобы иметь подлинную силу. Реставрируемое в свое время было уничтожено, — другими словами, существуют силы, которые были сильнее, чем Римская Империя. Ее нельзя пропагандировать, как нечто от века несокрушимое. Если она была сокрушена раз, то и второй раз ее можно сокрушить. И мы знаем, что ее победило. В первую очередь, это было христианство, конечно, которое раз'ело, разложило сердцевинную, религиозную сущность Римской Империи. Думается, что относительная слабость фашистского этатизма объясняется именно этой раз уже в истории бывшей утратой религиозно-творческого пафоса, окружавшего идол Римской Империи. Италия не может забыть этого исторического прошлого, тем более, что перед ее глазами, в самом сердце современного языческого Рима находится все тот же древний Ватикан, уже раз победивший могущество Рима. И он не молчит, он не мертв. Он уверен в своем духовном могуществе, в своей религиозной непобедимости и непогрешимости. Но, оставив в стороне эти специфические особенности фашизма, определим только те основные свойства, которые говорят нам о его принадлежности к тому же самому драконьему телу. Мы увидим ту же борьбу против человеческой личности, тот же культ коллектива, ненависть к свободе, обязательность известного стандартного мирозерцания, восприятие основных принципов фашизма чисто догматически, без рассуждения и с благоговением. Наконец, и отношение к вождю носит такой же характер, как и в советской России, вождь так же непогрешим, так же диктует не только основные принципы обязательного мирозерцания, но и директивы на текущие потребности каждого дня. Так же сила заменяет право, так же вводится

в обиход начало насилия. Оговорюсь только еще раз, что, благодаря некоторым специфическим условиям, — и типу основного идола, — этатизма, и месту, где его культ развивается, — все черты, общие с коммунизмом, кажутся несколько более бледными, не так ясно выражены, притенены. Но в сущности, между ними никакой принципиальной разницы нету. Можно сказать так: коммунизм строил на обширном пустом месте, и потому по своему усмотрению возводил стены воздвигаемого здания, — для фашизма же необходимо было считаться с развалинами стен, среди которых он строил новое, — и они несколько видоизменили его собственных замысел.

Наконец, третий тоталитаризм, — религия расы, проповедуемая в современной Германии. В смысле лежащей в основе этой религии идеи, надо сказать, что она безусловно гораздо беднее, партикуляристичнее, даже провинциальнее идеи коммунизма. Коммунизм может претендовать на некоторый универсализм, на всеобъемлемость своего основного принципа. Коммунизмы могут развиваться в различных расах и государствах, не соперничая друг с другом, а, наоборот, подкрепляя и поддерживая друг друга. Везде есть хижины, объявляющие войну дворцам, пролетарии всех стран могут соединяться, лишь выигрывая от этого соединения. В расизме положение противоположно. Перед человеком, принявшим современный расизм, стоят две возможности. Или он примет расизм в его германской редакции и вместе с Гитлером и Розенбергом уверует в особую мессианскую избранность германской расы, которой должны подчиниться все низшие расы, в том числе и его собственная. Или же он, приняв основной принцип расы, создаст свою собственную расу-избранницу, которой должны покориться остальные. Обе эти возможности легко себе представить, да они и в реальности существуют. Но первая из них вряд ли может найти широкое распространение и создать подлинный пафос, просто потому, что вряд ли широкие слои любого народа с восторгом согласятся с тем, что они должны быть отданы в рабство какому-то другому, особо избранному наро-

ду. Вторая же версия расизма обрекает его на распространение в узких пределах одной расы, с вечным и ничем неразрешимым соперничеством с любой другой расой. Тут возможна лишь борьба всех против всех, причем борьба, не имеющая в перспективе никакой надежды на победу, — разве только в ее процессе все противники будут поголовно истреблены. В этом основная идейная слабость расистских концепций тоталитаризма. И в этом, разумеется, он гораздо провинциальнее коммунизма. Но есть в расизме и стороны, дѣлающие его во многих отношениях сильнее, чем коммунизм. Он апеллирует не только к внешним интересам человека, он апеллирует к самой его природе, к его крови, к глубинным, подспудным инстинктам человеческой души, к каким-то полузабытым зовам природы, он органичнее, как ни странно, я бы сказала, он материалистичнее коммунизма, который, по сравнению с ним, является некой мозговой выдумкой, рационалистичен, сух и не почвенен. Расизм — это мистика биологии, это религия космических сил, некий дух, выпущенный алхимиком из бутылки и не желающий в эту бутылку возвращаться, в расизме все время слышатся гулы и стоны «демонов глухонемых». Древний Пан воскресает, магическая сила крови подчиняет себе обезблагодатствованное человечество. И магия его чрезвычайно сильна, наркотическая сила отравляет и возбуждает. Можно сказать, что как материал для образования языческой религии он гораздо богаче коммунизма. А кроме того, он в противовес коммунизму, открыто признает этот свой религиозный языческий характер, — и этим самым, как религия, он гораздо более осуществлен, чем коммунизм, который и до сих пор не может отделаться от скептицизма эпохи просвещения, хотя этот скептицизм чисто внешний, чисто словесный, ничего не меняющий в его подлинной сути. Таков мистический лик расизма. Как же он осуществляет себя в мире? Тут сходство с его братьями по религии тоталитарности особенно разительно. Кровь, положенная в основу всего, конечно, совершенно не совместима с духовной реальностью личности, — личность упраздняется, — разве

только и дается возможность ей существовать в лице вождя, но на самом деле он не личность в нашем смысле слова, а он некое ипостасное проявление все той же безличной священной германской крови. Личность же упраздняется. Свобода так же упраздняется пред лицом высшей ценности, судьбы, влекущей к господству своих избранных. Так же, как и в коммунизме, тоталитарность мирозерцания уничтожает возможность существования иных взглядов, уклонений, разномыслий. Человек должен мыслить так, как это выгодно для целого, а выгода определяется непогрешимым мнением вождей. Творчество так же отменяется, потому что творчество есть продукт свободы, а когда дело идет о коренных и неотменяемых биологических процессах, то ни свободы, ни творчества не нужно, — они сами за себя постоят. Ведется борьба с иными расами, особенно с об'явленным низшей расой еврейством. Это логично с точки зрения расового отбора. Ведется борьба с другими религиями, потому что расизм об'явлен единой религиозной истиной, а сосуществование двух истин невозможно.

Если об'единить то общес, что есть в проявлениях этих трех видов нового язычества, то все же надо сказать, что им свойственна огромная сила, подлинный пафос, напряжение веры, жертвенная готовность каждого члена их огромного организма отдать себя на благо целого, волевая потребность не только разрушать, но и строить, некоторая биологическая и органическая напряженность. Все они полнокровны и мускулисты. Все они без предрассудков, без особой склонности к белым перчаткам, все они — вдохновенные мясники, желающие раскромсать вселенную. Все они безблагоданы, и поэтому — пусть в разной степени — магичны.

Говоря о их героях, о их сверхчеловеках, вождях, человекобогах, неожиданно чувствуешь какие-то перспевы Ницшевских мотивов с одной стороны, Смердяковского «все позволено», — с другой, и, наконец, магического культа природной человеческой силы, представителем которого был Рудольф Штейнер. Да, духов давно стара-

лись выпустить из бутылки. Теперь, когда это сделано, их назад не загонишь.

Таков передний план нарисованной мною в начале картины. Дракон с тремя головами наименован. Его облик ясно виден и не возбуждает сомнения.

Но есть на этой картине и еще одно существо, — эта самая цевинная царица, томимая под угрозой его взора. Я разумею современную демократию, конечно. И вот тут мне хочется прямо и честно сказать: всякий, кто так или иначе чувствует себя связанным с демократией, всякий, кто ей чем-либо обязан, всякий, кто в какой бы то ни было степени верит в ее будущее возрождение, — просто обязан сейчас без всякого лицемерия, без всякой ложной жалостливости, без всяких оглядок на друзей и врагов, совершенно беспощадно произнести свой суд над нею. Плоха наша царица, мало чего стоит, сама виновата, что блуждала без пути, пока не попала в лапы дракона, не могла не попасть. И более того, — и не выберется из них, если будет такой, как была, потому что ей нечего противопоставить дракону. Нищета у нее полная.

Мы, русские, имеем в нашей литературе не только предостережения, касающиеся облика современных человекобожеских религий, — у Достоевского в Великом Инквизиторе или Шигалева, у Соловьева в повести об Антихристе, — но с такой же прозорливой ясностью нам дан и облик современной демократии, особенно сильно и беспощадно у Герцена. Точно она и тогда была такая, какой стала теперь. И не даром Герцен, западник и демократ, в ужасе отвернулся от нее, недаром стал говорить о ней с такой безграничной горечью.

Самое характерное, мне кажется, в современной демократии, это принципиальный отказ от всякого целостного мирозерцания. Давно уже политика стала для нее не возможностью проводить какие-то основные принципы в жизнь, а лишь игрой практических интересов, конкретным учетом сил и выбором компромиссов, давно уже экономика стала существовать самостоятельно от политики, и равенство политическое уживаться с чудовищным эконо-

мическим неравенством. Особенно характерен сейчас для демократии полный разрыв между словом и делом: в слове до сих пор существует несколько напыщенное декларирование начал свободы, равенства и братства, в деле царствует неприкрытая власть интересов. Общественная мораль, так же пышно декларируемая, вполне сочетается с индивидуальной аморальностью. Частная жизнь человека может находиться в кричащем противоречии с его общественной деятельностью. Мирозерцательная цфлостность просто не нужна, не существует, — ее опять таки с успехом заменяют правильно понятые и строго учтенные интересы.

Откуда эта страшная рассыпанность демократии, эта раздробленность каждой отдельной личности, этот отказ от всякого объединяющего начала? Демократия стала существом, не помнящим родства, она отреклась от тех начал, которые ее породили, от христианской культуры, от христианской нравственности, от христианского отношения к человеческой личности и к свободе. И на их место не поставила ничего другого. В демократическом мирозерцании нет никакого корня сейчас, нет никакого центра, оно образовано как бы из одних придаточных предложений, главное предложение утрачено. И эта рассыпанность демократического облика создает известный тип человека, у которого, во-первых, нету никаких религиозных взглядов, во-вторых, общественная работа не базируется ни на какой общей глубокой идее, в-третьих, личная жизнь существует сама по себе, не объединенная ни с религиозным ни с общественным призванием. И, как каждый отдельный человек в демократии представляет собою механическое соединение случайных и часто противоположных начал, так и общее тело демократии существует как бы без позвоночника, без станового хребта, и вместе с тем без определенно обозначенных границ. Отсюда легко понять, что, в конце концов, и тут по Смердяковски «все позволено». Правда по другим мотивам, чем в тоталитарных мирозерцаниях; там, — мне закон не писан, потому что я сам закон, я высшая мера вещей, —

тут, — потому что вообще нету незыблемых законов, нету никакой меры вещам, все относительно, все зыбко, условно, все поддается лишь одному критерию текучих и быстро изменяемых интересов. Все позволено, потому что все относительно, и не очень то уж и важно. Сегодня заключается союз, — таковы интересы сегодняшнего дня, сегодня проповедуют экономическое равенство, завтра отдают свои голоса укреплению капитализма, сегодня увлекаются коммунистическим тоталитаризмом, завтра — тоталитаризмом расистским.

И все непрочно, все текуче, все не имеет никаких твердых очертаний. Может-быть, даже довольно естественно, что при этом отсутствии каких бы то ни было высших ценностей, оказывается, что высшая ценность — это мое маленькое благополучие, мой маленький и довольно безобидный эгоизм. В конце концов, во имя чего я должен уступать место под солнцем кому бы то ни было и чему бы то ни было, если все претсиденты на место под солнцем чрезвычайно относительно и эфемерны? Во имя каких это идей должен я жертвовать своих благополучием, если давным давно признана относительность любой идеи? «Мы, — калужские», — вовсе не принцип коммунизма, который в своей тоталитарности поглощает любую Калугу, — это принцип вырождающейся и больной демократии, — он то сейчас и торжествует во всеевропейском масштабе. Как отдельный человек говорит: «мой счет в банке исправен, в чем же дело?», — так и целые демократические государства не понимают, в чем же дело, раз у них кое-как концы сведены с концами.

Отсюда естественны все грандиозные предательства, свидетелями которых мы были в течение последних лет, отсюда и совершенно старческая физическая беспомощность и расслабленность. В самом деле, — чему уж тут удивляться? Организм распадается на составные клетки, — и естественно, что он ничему противостоять не может.

Самое страшное в современной демократии, — это ее принципиальная беспринципность, отсутствие мужественности, отсутствие всякого творческого начала. Демокра-

тия стала синонимом мещанства, обывательщины, бездарности.

Если в тоталитарных мирозерцаниях уместно говорить о рождении новых религий, то в демократиях надо констатировать не только полное отсутствие религий, но даже отсутствие в данный момент способности к религиозному восприятию действительности. Если там введены в игру темные демонические силы, то тут царствует лишь одна пошлая таблица умножения.

И это положение вещей выливается в невозможность создать какое-либо настоящее увлечение, в отсутствие пафоса, в отсутствие творческого начала. Если тоталитаризмы страшны, то демократия просто скучна. На реальной исторической арене сейчас демоны борются с мещанством. И всего вероятнее, что демоны, а не мещане победят. И победа их может быть двоякой: или мещанин будет ими попросту уничтожен, или они его заразят своими демонскими свойствами, и он станет демоном, так сказать, второго сорта. Решит, что с волками жить, по волчьей выть. Вся беда только, что у волков этот вой настоящий, волчий, а у их подражателей настоящего воя получить не может, одно обезьянничанье, одно попугайство.

Все естественные силы, наличествующие в современном человечестве, таким образом не дают возможности для каких бы то ни было оптимистических выводов. Положение, действительно, скверное. Час борьбы приближается. Результат ее почти предрешен. Не бывало еще, чтобы религиозное начало, любого направления, любой религиозной сущности, не побеждало своего безрелигиозного противника. Не бывало еще, чтобы творчество, во имя чего бы они ни осуществлялось, — не оказывалось сильнее бездарности. Не бывало еще, чтобы герой, пусть самый жестокий, кровожадный и бесчеловечный, не торжествовал над мещанином. Не бывало еще, чтобы склонность к личному самопожертвованию не стирала в прах маленького мещанского эгоизма. Не бывало и не будет, потому что не может быть.

На путях могучего потока новых страшных религий, торжества новых кровожадных идиолов, демократия в том виде, в каком она есть, — не плотина. Она может переучивать свои реальные интересы и перераспределять партийные мандаты в парламентах. Она может подражать вождям и применять их методы работы. Она может не выпускать своих золотых запасов за границу, и строить аэропланы, и выдумывать какие-нибудь удушливые газы, вообще она может делать, что ей угодно, — главное то, что на современных путях ее существования она не победит.

И всего вероятнее, что так оно и будет, что события се обрекают. Духовная выхолощенность дает свои плоды. Безрелигиозное человечество бесславно погибает. Демон, видя, что горница чисто выметена и пуста, приходит, и приводит с собой сильнейших, и вселяется в нее. Ведь, горница действительно пуста. Отчего ему не вселиться?

Учитывая все, взвешивая все, чему нас учит история, что мы знаем уже со времен Герцена, что происходит на наших глазах, кажется, что мы не можем ошибиться в диагнозе. Да, собственно, ни для каких надежд места нет в этом природном мире. В потоке взаимного предательства, в потоке маленьких эгоизмов, рассыплется, развеется, распылится сегодняшний мир. Завтрашний день принадлежит дракону.

И единственная искра надежды, которая остается в сердце, это надежда на некоторое чудо. Бухгалтерия говорит нам, что итоги подведены ею точно, сомнений нет. Ну, а быть может, можно существовать и без бухгалтерии, просто сжечь ее книги, перепутать все приходы и расходы. Поверить, что в смертный час даже грешникам раскрывается небо, самые нераскаянные каются, немые начинают пророчествовать, и слепые видят видения. Только в порядке такого чуда и можно ждать сейчас выхода, только на него и надежда. Человеческому усталому сердцу трудно надеяться, да еще на чудо, на нечто небывалое, неучитываемое. Слишком мы привыкли, что даже самые

реальные надежды обрываются и гаснут, а тут требуется надеяться на нечто почти призрачное.

А все же надежда есть. И есть некоторые намеки, что, может-быть, она не напрасна.

Если безбожное, атеистическое человечество, человечество трех измерений и таблицы умножения, поймет, что так жить ни один настоящий организм не может, если оно, действительно, до самых своих последних глубин, расклетается, если оно вернется в Отчий дом, из которого ушло, проклиная Отца, если оно вновь поймет, что перед ним лежит религиозный путь, что оно призвано стать Богочеловечеством, если оно отдаст себя в волю Творца, если оно поймет ничтожество своих маленьких желаний, благополучий и эгоизмов, если оно, наконец скажет грядущим испытаниям, что это бич Божий, как был Атилла бичем Божиим, и что оно само виновато в том, что этот бич нужен, — одним словом, если вновь человечество припадет к своим христианским истокам и обновится ими, и расцветет новым христианским творчеством, и загорится новым христианским огнем, то тогда можно было бы сказать, что даже до самой последней минуты не все потеряно.

Есть тонкие и еле видимые знаки, что надежда, может-быть, не тщетной. Есть, во-первых, слабые признаки религиозного возрождения, которое охватывает, правда, лишь небольшую часть культурной элиты демократий. Есть, наконец, очень громко и мужественно звучащий голос различных церквей, отстаивающих свою истину против лжеистин новых религий. Есть странное и парадоксальное явление, заключающееся в том, что сегодня христианство не подвергается гонению лишь в странах демократических. Есть залог возрождения, — мученическая кровь, испытания исповедников. Как раньше, так и сейчас, — кровь мучеников — семя христианства. Но все это только слабые указания. Гораздо громче звучит обратное: гораздо, например, убедительнее улыбка какого-нибудь политического деятеля, экономиста, историка, — демократа или фашиста, — все равно, — с которой он про-

чет эти или подобные им строки. Для него это некий мистический туман, от которого он с досадой отвернется. И его не смутит, что вне этого тумана вообще никаких решений нету. Вопрос стоит так, — или, через покаяние и очищение безбожное человечество вернется в Отчий дом, и засияет эпоха подлинного христианского возрождения, и оно почувствует себя Богочеловечеством, или же на долгие века мы обречены власти зверя, человекобога, новой и страшной идолопоклоннической религии.

Третье не дано.

Монахиня Мария.

О сопротивлении при помощи силы

1. «НЕ УБИЙ»

«Природа хочет, чтобы сильный боролся против слабого и покорял его»...¹⁾ «Война улучшает расы, уничтожает слабых и укрепляет человеческий характер. Уничтожение всякой войны было бы равносильно гибели этого мира и водворению во вселенной мрачной неподвижности абсолютного Ничтожества»...²⁾

Цитаты эти приведены, что называется, «на выборку»: Их можно было бы умножить сотнями других подобных цитат, в один голос повторяющих, что с точки зрения природной, натуралистической война и насилие являются фактами, не только общераспространенными и нормальными, но даже и положительными; поэтому уничтожения войны могут желать только наивные идеалисты, которые, как говорит один из современных защитников

¹⁾ Ср. **G. Lavis** et **Ch. Andler**, *Pratique et doctrine allemandes de la guerre*, 1915.

²⁾ **Mabile**, *La guerre, ses lois, son influence civilisatrice, sa perpétuité*, 1884, p. 287.